В двадцать лет Верочка не могла похвастаться ни особой яркостью, ни бросающимися в глаза талантами. Звёзд с неба не хватала. Чуть сутулящаяся, невысокая, худенькая, длинные мягкие каштановые волосы собраны в хвост, довольно милое кукольное личико, серо-голубые вечно чуть удивлённые глаза и слабая улыбка. Говорила неуверенно, тихим высоким голоском. Это звучало — именно звучало — так наивно и робко, что её правота оставалась, как правило, незамеченной, а идеи и предложения даже не обсуждались. Все пять лет института она скромно просидела в уголке, одна, без подружек и ухажёров. На танцы не ходила, в общежитии не появлялась, все работы, даже по политологии, сдавала вовремя и делала их сама. Старательно. Прилежно. Всегда.

На неё настолько не обращали внимания, что, когда именно её фамилию — Малышева — на получении дипломов назвали первой, это произвело на аудиторию странный эффект. Все умолкли и, как в прострации, уставились на девчушку в сером, не слишком ловко сидящем платье, которая, опустив голову и покраснев, как пион, шла по сцене за своим новеньким красным дипломом.

Потом уже бывшие студенты отправились в ресторан. Был заказан шикарный ужин. От института шли пешком, благо, было недалеко. Смеялись, поздравляли друг друга. Зал оказался — загляденье, а ужин! Розовые креветки и янтарные кубики ананаса, бутерброды с икрой и маринованные баклажаны, алые помидоры и нежно-кремовый копчёный палтус! Фаршированные цыплята и баранина с черносливом! Взбитые сливки с ежевикой и клубникой! Рай желудка, именины вкуса. Не говоря о напитках. А студенческий желудок, как известно, всегда готов...

По какой пили — сказать трудно. Прошло никак не меньше полутора часов, когда заметили, что Верочки нет. Странно, что её не хватились раньше: места заказали на всех, и пустовало только одно. Чистая тарелка, крахмальная салфетка просто сияли своей девственной нетронутостью. Никто не заметил, когда сокурсница исчезла — в этом, впрочем, как раз не было ничего удивительного: людям, которым не уделяют внимания, легко стать невидимками. Необычно другое: все почему-то вдруг очень заинтересовались, куда она пропала. Прежде такого не случалось, видимо, дело было в этом. Она всегда была тут, молчала в уголке. И вот — на тебе. Не пришла. Оторвалась от коллектива. Да это же немыслимо. Настоящий вызов. Почему?

Обсуждение этого вопроса, впрочем, не затянулось. Потому что дверь в зал неожиданно открылась. Все увидели Верочку в белом платье и незнакомого парня. Высокого, широкоплечего, в отличном костюме, зеленоглазого тёмноволосого красавца. Девчонки так и ахнули. Ребята переглянулись.

— Познакомьтесь, это мой муж, Кирилл, — тихонько сказала Верочка. На этот раз её услышали все.

Иногда она спрашивала:

— Родной, почему ты меня заметил? Никто никогда до тебя не замечал.

А он отвечал ей:

— Да так. На самом деле я заметил тебя сразу, как вошёл: ты сидела у стены и улыбалась. И была такая... безобидная и мирная... у меня на душе потеплело. Это подойти решился не сразу. Ты моё Солнышко.

Десять лет, Господи, десять лет! Всего десять лет, а как изменилась жизнь.

Нет, она по-прежнему заикается и краснеет. И голос прежний, тонкий, с детскими интонациями. Даже причёска всё та же. Но много ли сейчас людей в городе, которые ни разу не слышали о ней. В сущности, ничего особенного — художница, несколько выставок, несколько публикаций, музей. Правда, начинала даже не с нуля. Скорее, с отрицательной величины. Помещение ужасное, состояние фондов — нет, лучше не вспоминать. И не совсем ей по специальности... Так вышло — нет, тоже лучше не вспоминать... Нет! Хотя — разве забудешь?

Тогда, в палате, их было семеро. Семь женщин, семь сердец, семь судеб. Разный возраст, разная внешность, один диагноз. Нелепый, как несчастный случай. Да он у всех был, у кого подтверждённый, у кого нет, — там не одна палата была. А сколько, кстати? Странно: Верочка не помнила. Помнила фаянсовую раковину и кран, из которого всё время звонко капала вода. Кап... Кап... Словно метроном, отсчитывающий время. Помнила, как соседка по кровати плакала по ночам, прикусив край одеяла, чтобы было не громко. И крупного, бодрого, шумного профессора с кудрявой чёрной шевелюрой и яркими карими глазами. Ещё ей запомнился большой шприц с толстенной иглой для люмбальных пункций и весёлый голос медсестры: «Не бойся, тебе теперь совершенно нечего бояться!»

Верочка улыбнулась. Десять лет — а приговор всё ещё откладывается. Она идёт по ночной улице, по ещё влажному после дождя асфальту, и чувствует, как тёплый летний ветер гладит волосы. И трость в руке — как стек франта, для красоты. Жаль, никого нет, она слишком задержалась на работе, но что же делать, выставка на носу, надо много успевать. Она справится, как обычно. Она молода, всего-то чуть за тридцать! Она красивее, чем была в двадцать! Нет, наверно, не красивее, но сейчас её замечают, приглашают, спрашивают, даже ухаживают. Да что такое элегантная трость в руке, это же пустяк. Кому какое дело, зачем по утрам в её квартиру приходит девушка с чемоданчиком, и почему, когда уважаемого директора музея вызывают в министерство, она всегда приезжает на такси. Может, просто не любит метро и автобусы. Она не берёт больничных. Есть отпуска, и где их проводить — на турецком пляже, или же в одной и той же палате — это её личное дело, мало ли. Окружающим не обязательно знать, как она в первый раз неумело закурила сигарету в больничном дворе. Было воскресенье. Ждала Кирилла. Ко всем женщинам из её палаты их мужчины в тот день уже приезжали.

Она спрашивала, потому что хотела понять.

— Милый, почему ты не ушёл? В нашей палате все мужья ушли, как только узнали.

Он отвечал всегда одинаково:

— Глупышка, куда же мне идти. Ты мне нужна, я люблю тебя. Неужели ты не понимаешь?

Она — нет, не понимала. Хотела понять — и не могла. Почему, ведь все остальные ушли. Неужели никто больше не любил?

Верочке неожиданно стало зябко. Непрочно. Вот в чём проблема: всё непрочно и временно. Как ни убеждай себя, что так у всех и всегда, но на самом деле конский волос у её дамоклова меча тоньше, чем у других. Меч не падает. Пока.

Она держала сигарету и никак не могла прикурить. Пламя плясало и не попадало по назначению. Раз щелчок, два, три. Газ, что ли, заканчивается... ну, наконец-то! Дымок поплыл в свете фонаря. Голова закружилась. Приятно. Хоть и вредно. Может, в том и удовольствие?

Кирилл просил позвонить, хотел встретить. Но зачем беспокоить, пусть выспится. Ему так рано вставать. Надо идти, а сил что-то нет. Перетрудилась, что ли? Осталось-то всего пара кварталов. Надо было опять вызвать такси — как это глупо, забыть дома кошелёк. Предательская пустота под коленками.

Когда-то это должно было случиться. Неужели сейчас? Страшно не было, только хотелось докурить. И ещё сильнее — увидеть мужа. Фонари раскачивались в странном неритмичном танце, их свет казался мерцающим. И было очевидно: идти невозможно. А если она упадёт, — уже не встанет.

— Всё, — поняла Верочка, — моё время вышло. Она ждала, что сейчас, вот сейчас станет страшно. Но ужас не приходил, зато неожиданно, впервые в жизни, пришла злость.

— Почему, Господи! — кричало всё внутри, — это несправедливо! Я должна увидеть Кирилла, я должна... Я же за десять лет так и не сказала ему самого главного... только задавала вопросы. Нет, шалишь, теперь — скажу. Пусть я серая мышь, которая занимает чужое место, пусть я не великий талант и не сделала ничего особенного. Пусть я недостаточно хороша для него — какая разница, молчать не следовало! Давно надо было... Нет, я дойду!

По краю тротуара стояли машины, одна возле другой. Тяжело навалившись на трость, не чувствуя ног, она шагнула к ближайшей. Легла на не обсохший капот животом — хорошо, вокруг пусто, объясняться не было сил — и расслабилась, отдыхая. Платье сразу намокло, но Вере было всё равно. Минут

через десять стало полегче. Она подобралась и с напряжением выпрямилась. С подола капала грязная вода. Несколько неуверенных, трудно давшихся шагов, и вот уже рядом следующая машина... И следующая... И ещё... И ещё... Никого не было на улице. В этом было счастье.

В лифте Вера говорила вслух — или, может быть, пела, только не помнила, что. Эхо, ну кто бы мог подумать, что в этом полированном пенале бывает эхо?! Последним, что она уловила ускользающим сознанием, был щелчок дверного замка. Дальше — тишина.

Сквозь ресницы било солнце. Вера открыла глаза: она лежала в постели, в собственной спальне. Было слышно, как на кухне включили воду, потом что-то звякнуло...

— Родной! — позвала она громко-прегромко. Получилось почти шёпотом. Не услышит? Но он уже бежал, прямо с чашкой в руке, поставил её на стул, протянул было руку, помочь жене подняться...

Наклонился и ласково потрепал по щеке:

— Как ты, малышка?

— Хорошо, — ответила она уверенно, удивляясь сама себе, потому что это была чистая правда. — Отлично!

И села на кровати.

— Послушай, вчера я решила сказать тебе одну вещь. Нет, даже две! Во-первых, я поняла, всё поняла, и — знаешь — я тоже. Очень. Тебя люблю. Прости, что только теперь говорю — это так с первой секунды, как ты вошёл и посмотрел на меня. Но главное не это, главное — во-вторых... Мне всё равно, что скажет профессор. Да хоть вся медицина! Я точно знаю: всё — ерунда. Мы не станем никого слушать. Я хочу родить тебе сына. И ты этого хочешь! Но молчал — правильно, я понимаю... Мы не должны бояться. Никогда. Мы всё сможем! Поверь мне, я теперь это точно знаю.

Кирилл смотрел на жену и не верил себе. На него смотрела уверенная, радостная, раскрасневшаяся, с блестящими синими глазами прекрасная женщина.

Его женщина!

Вера.